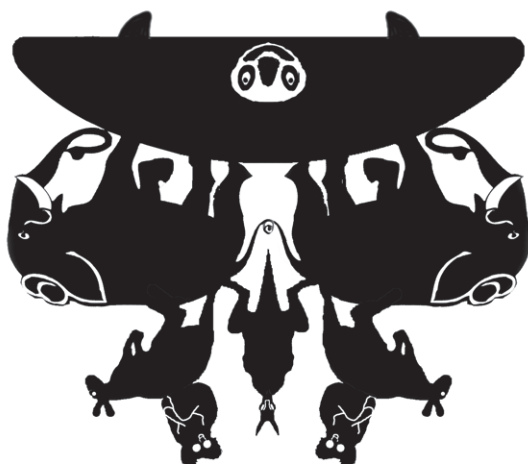

АНТИПОДЫ

Литературная мастерская
Сидней
9 марта 2013

Всеволод Власкин

* * *

as it is
аз и ты

змеи
раз
двоен
язык

языка
раз
двоена
змея

зари
невод

i am
я ем
янтарь
зари
из
вен
из
рам
окон

заговори
саров и
арзамас
рамзес
руси
замес
земли
песка

just
speck
of dust

спектакль
наш
сад
пес
сна
на
нас

занять
позиции
и наизнос
спасть
и спать

*

артезианская
рязань
зари картезианская
рязань
зари

скале эйлса
из джона китса

о харкни пеною ажурной и крагами валов всплесни
ответь под ветра вой и чаек скрежет
про вен узлы под мантией прибоя на плечах
и вену ту что скрылася под сенью лба
давно ли долго ли как всею майской мощью
тебя тянуло в фатальный сон и дрему
сморило в лапах грома или солнца
в венках не греющих сереющих окладов
ты не исторгнешь нот давно уж дед ты спишь
тайком меж двух умолкнувших веков
балласт ветров баланс пучин
ферзи китов в одном в другом игла орлиных взглядов
как дров поленница ты вздыблен тремором земли
и над забытьем твоим другой удар глубин не властен

из оды западному ветру
из перси биши шелли

о дикий ветер западный то бред осенний бытие твое
ты от которого умершие осиновые листья
как гости бестелесные к последнему автобусу бегут
что недоели черны и бледны или красны в горячке
постелиться лечь строкою за строкою на асфальт
ты чарами своими в дар приносишь зимнюю постель
крылатым семенам где спать им как холодному улову
когда и лай и хор во гробе утих покуда
тайн твоих лазурная сестра весна к губам не поднесет
свой детородный горн над дремою земли
трубя ко свету и будя фаланги флоксов милых
проливших в доли цвет и аромат живой хотя пока и хилый
неистовый как спирт эфир как будто вездесущий
расстроишь ты но и удержишь мир — о слушай, слушай!

To Ailsa Rock

by John Keats

Hearken, thou craggy ocean pyramid!
Give answer from thy voice, the sea-fowls' screams!
When were thy shoulders mantled in huge streams?
When from the sun was thy broad forehead hid?
How long is't since the mighty Power bid
Thee heave to airy sleep from fathom dreams?
Sleep in the lap of thunder or sunbeams,
Or when grey clouds are thy cold coverlid?
Thou answer'st not, for thou art dead asleep;
Thy life is but two dead eternities-
The last in air, the former in the deep;
First with the whales, last with the eagle-skies-
Drown'd wast thou till an earthquake made thee steep,
Another cannot wake thy giant size.

from Ode To The West Wind

by Percy Bisshe Shelley

O wild West Wind; thou breath of Autumn's being,
Thou, from whose unseen presence the leaves dead
Are driven, like ghosts from an enchanter fleeing, —
Yellow, and black, and pale, and hectic red,
Pestilence-stricken multitudes: O thou,
Who chariotest to their dark wintry bed —
The winged seeds, where they lie cold and low,
Each like a corpse within its grave, until
Thine azure sister of the Spring shall blow —
Her clarion o'er the dreaming earth, and fill
(Driving sweet buds like flocks to feed in air)
With living hues and odors plain and hill: —
Wild Spirit, which art moving everywhere;
Destroyer and preserver; hear, oh, hear! —

(фонетические переводы В. Власкина)

Человек меняет кожу
Бруно Ясенский

Влезла в кожу. Вошла
чуть подтянула — точно
колыхалась трава,
солнце вышло досрочно.
Шла по пляжу — ожог.
Море пеной играло,
Люди... воздух... и я...
Я австралийкой стала!

Я улыбалась всем,
мне улыбались люди...
Здесь человек не нем,
Здесь человек не судит.

«Где же вы родились?
Русская? Из Китая?»
И привечают нас,
наших судеб не зная.

Щедрый новый язык!
Как там с произношеньем?
Он ко всему привык,
дарит новым значеньем.

Это моя страна
Счастье, что здесь не «где-то
тем, что страна МОЯ
сердце живёт — согрето

Страна принимает людей
Люди — новую жизнь.

* * *

Skin for comfort
B. Yasensky

She took the skin
wiggled... tucked in
walked in tall grass
basked in the sun

Walked on the sand — hot
swam in the surf
swallowed vast air
Turned Australian
— not «Anglo-Saxon»
just English speaking
(sort of?)

and she loved it!
would write in it
in an amazingly
generous giving Tongue

What stroke of luck
to belong... to become...
not to feel outside
somewhere else
balancing told and
untold stories

Mama's crushed memories
Papas silence, the secret tears...

That belonged to the past
absorbed in a poem
not hanging like a shroud
Through many days

Яков Смагаринский

Земля роз

Я поймал себя на том, что громко разговариваю сам с собой и сильно встревожился: не попался ли я в сачок шизофрении. Но доктор отнёсся к моему тревожному сообщению спокойно и сказал, что у меня появилась потребность в беседах с умным человеком...

— Не хочешь ли ты, — спросил меня умный человек по дороге домой, — познакомиться с Сиднеем по-настоящему.

— Это как по-настоящему?

— Пешочком по всему городу.

— Как свэгмен девятнадцатого века? С Матильдой на горбу!

— Как свэгмен двадцать первого века с рюкзачком для воды и фотоаппаратом.

— Согласен.

— С чего начнём?

Я открыл справочник улиц первый раз за всё время не для навигации, а на перечне всех районов Большого Сиднея и подивился живописности их названий: Журавлиный ручей, Садовые холмы, Земля роз, Залив бурундуков, Камелия, Водопад, Место для пикников, Мыс удовольствия, Розелла, Черешневая роща, Долина замков... Названия говорили о многом.

— Первым местом будет Земля роз, — предложил я, — по той причине, что розы — мои любимые цветы. А затем пойдём в долину таинственных замков.

— Не возражаю, — пожал плечами умный человек.

Мы пошли. Район оказался всего в одном часу ходьбы от дома. Там действительно росло много цветов в передних дворах каждого дома и на деревьях вдоль улиц. Заборы, в основном, низкие, а кое-где их вообще нет. Клумбы во дворах приватные, но открыты для всеобщего обозрения. На высоких кустах цвели розовые франжипани. Среди узких тёмных листьев краснели растрёпанные бутылочные щётки. В ухоженном пруду над большими плавающими зелеными тарелками поднимались бело-алые лилии.

— Где же розы? — спросил я.

— Немного терпения! — ответил спутник.

На другой улице приятно пахли лимоном ветки мирта, усыпанные мелкими белыми соцветиями. Через низкую кирпичную кладку перегибались прекрасные гортензии. Почти все фундаменты домов прятались за кустами гордости Нила. Вот-вот я увижу мои любимые розы. Может быть, на следующей улице. Но на сле-

дующей улице бордовые мальвы стелились по стенам домов, подбираясь к окнам второго этажа, на аккуратно подстриженную травку опали нежные лепестки хибискуса, скромные бархатные протей едва выделялись на цветных опилках. Громадный участок углового дома был украшен очаровательной большой ярко-красной хризантемой и её, единственной во дворе, было достаточно, чтобы сам по себе невзрачный дом оставлял незабываемое впечатление...

Не встречая роз, я откровенно возмущался. Мой попутчик молчал. Мы шли кварталом пылающих эвкалиптов, их бутончики раскрылись длинными пунцовыми ресницами, напоминая ручные фонарики с бахромой. В одном дворе оказался даже цветущий кактус! В другом... я не поверил своим глазам: маленькая зелёная лягушка спала на листе орхидеи. Как же так? Лягушки, вымирание которых горько оплакано средствами массовой информации, здравствуют себе в районе Земля роз, а розы исчезли!

Уже скоро начнётся другой район, но до сих пор не видно ни одной живой розочки! Выходит, путеводителям верить нельзя. А как же Долина замков? Да там, наверняка, столько же замков, сколько здесь роз! Мой собеседник продолжает молчать. Мы проходим мимо открытой калитки, из которой вдруг выкатывается розовый мячик, а за ним ковыляет, вот-вот упадёт, маленькая девочка и со двора кто-то кричит:

— Розочка! Розочка! Где ты? Не выбегай одна на улицу!..

Мы переглядываемся. И оба широко улыбаемся. Очень широко: розочки здесь, всё-таки растут!..

— Запомни, — произносит умный человек, — справочники никогда не врут. Завтра пойдём в район Черешневая роща, отведаем свежей черешни!

СВЯЩЕННЫЙ ДАР

Последний раз я сидел с ним за одной партой более полувека назад. Девятый класс. Расширенное родительское собрание с приглашением учащихся. Классный руководитель, как водилось в то время, давала во всеуслышание краткие характеристики своим питомцам.

— Николай пойдёт далеко! — сказала она о нём. — Он очень способный и усидчивый.

Мать Николая радостно улыбалась.

— Грише, — сказала учительница, когда очередь дошла до меня, может помочь только чудо...

Моя мама сидела с потухшими глазами, она и не ожидала положительного отзыва о своём беспутном сыне.

— Ни для кого не секрет, что он не хватает звёзд с неба! — без всяких обиняков прикончила наставница мою характеристику.

Николай недоуменно покачал головой, протягивая под партой сжатый кулак с большим пальцем, оттопыренным вниз. Это у него означало крайнюю степень недовольства услышанным...

Мы с Николаем в сиднейском Гайд парке, в кафе напротив гостиницы, где закончился первый день международной конференции, на которой оба выступили, каждый со своим сообщением. Сели за столик разделить восторг от неожиданной встречи. Оба молчим какое-то время, рассматривая друг друга. Он, наверно, как и я, вспоминает то далёкое родительское собрание.

— Гриша, — начал он первым, — я не нахожу слов восхищения твоим описанием молний, сопровождающих огненные торнадо. Это же не просто свершившаяся, наконец, разгадка явления, это же чудо открытия его изнутри. Ты словно живёшь среди молний! Я читал и твоё путешествие к центру Венеры. Это же..., это же — заметки с натуры. Как тебе удаётся такое! Ты что работаешь в нескольких лабораториях? Кто поставляет тебе уникальное оборудование?

Я рассмеялся:

— Помнишь, что говорила наша Светлана Ильинична? Да, я не хватал звёзд с неба. Но чудо действительно случилось в моей жизни. Звезда с неба сама опустилась в мои раскрытые ладони, когда я горячо попросил её об этом. Большая, яркая звезда — поэт от Бога — согласилась стать моей женой. Вот и весь секрет!

— Весь секрет?

— Да. Ты знаешь, что значит жить с большим поэтом? Нет, ты не знаешь, что значит жить с большим поэтом! Это видеть мир в цвете, которого нет в земной палитре, это разговаривать с птицами, стрекозами, деревьями и травами, это просыпаться утром в потоке раскалённой лавы, извергаемой вулканом, днём

этого же дня прокатиться по дну студённого Марианского жёлоба на необыкновенных морских звёздах, а на ночь улететь на созвездие Индиго. Полёт мыслей и образов поэта от Бога — неисповедим... Жена всюду берёт меня с собой.

— Так тебе остаётся только фотографировать и записывать?

— Не только! Иногда приходится самостоятельно осваивать неизвестные мне ремёсла. Вот на прошлой неделе случилось такое. В середине ночи моя жена просыпалась трижды, нащупывала свой блокнот и, не открывая глаз, записывала стихи. Утром я увидел её горько плачущей.

— В чём дело, дорогая?

— Я ночью на одном листке записала вслепую три четверостишия, одно на другое, а теперь не могу ни прочесть их, ни восстановить: не помню ни слова, а стихи были замечательные.

— Не волнуйся, друг мой, мы их воспроизведём!

Я кинулся в интернет изучать разделы криминалистики и искусствоведения, где обучают методам восстановления тайнописи и подлинников замазанных картин. Миллиметр за миллиметром сумел я отделить три текста друг от друга.

— Ты помнишь их?

— Конечно! После их публикации четыре мировых университета прислали нам контракты на совместное исследование и раскрытие животрепещущих тайн природы:

Священный дар во мне — живая память
Вселенского единства бытия...
Над гладью океана пляшет пламя —
Последней мысли синяя ладья.

И вижу сон камней, и плач пустыни,
Песчинки жара в кровь мою несёт,
Жизнь через боль озвучивает Имя
Единственное, но в котором — всё.

Священный дар — быть всем на этом свете:
Вселенское единства бытия...
Под синеглазым парусом бессмертья
Смогу к себе самой доплыть и я.*

Дослушав до конца, Николай протянул в мою сторону сжатый кулак с большим пальцем, оттопыренным вверх. Это у него означало крайнюю степень восхищения услышанным... Мы читали стихи до утра.

* Стихотворение Ларисы Патраковой

Михаил Сухотин

***

было
преддуннолепетно
необыкновенно
и вот и сизорозово
и куда ещё
и луна тригорская
и странноприимно
высоко-то а
видно-то ооо
очень
очень
ну очень очень
осень
Гейченко-Гейченко
плотно-плотно
полотно-полотно
даром что производство
таво
тойсть утавосилось
основа-то
таки-ткётся
так и ткётся
ветки ветки ветки ветки ветки
и закат
за так за так за так

ты смотришь за ограду с горы
просто ты уже выросла
видишь куда мы вскарабкались
ты
смотри смотри
ты смотри как желтоцерковно
первоснежно
по листьев коричневизне
под ногами
остромедно

бедно
медленно
легко

а и вспомнишь

...и эту бедную суму
с бутербродами
и всё что будет

не оглядывайся

просто вспомни
всё что бу
вы со бу
р л эз
у ми ле
пу те во
бе ло
мраморно
кре сто
образно

ктой-то

Алексей Николаевич

Вульфъ

род. 17 декабря 1805 г.

+ 17 апреля 1881 г.

то-то и оно

а из леса-то

слышь

предупреди-тельно так

и сермяжно

и пасконно

слышь

как безапелляционно

кто-кто

кто-кто

волк

кто

Отступница

«Никто, в наших письмах роясь,
Не понял до глубины,
Как мы вероломны, то есть —
Как сами себе верны».

Марина Цветаева

Говорят, что она отступила от веры,
Безразличием мера досужие сплетни.
Говорят, её муж у неё был не первым,
А любимый мужчина всегда не последним.

Говорят, что она предала идеалы
И из правил могла отыскать исключенья,
Из застенков и тюрем на волю бежала
Даже жизни ценой иль ценою презренья.

Говорят, что она не дружила с моралью,
Как законом, написанным кем-то для быдла,
Не прощала предательства ближним и дальним,
А неискренность ей больше тлена претила.

Говорят, что она наплевала на принцип,
Беспринципностью гибкость в себе утверждая,
И под дулом ружья не смогла б возвратиться
В иллюзорное прошлое, бывшее раем.

Говорят, что имела отвратный характер:
Сумасбродна и взбалмошна, даже капризна.
К дню рождения, как к оскорбительной дате,
Относилась, подарков не делая близким.

Говорят, что была она экстравагантна,
Не в одежде с манерами, больше — в сознании,
На котором зазубрины были и пятна
От забот и событий, случившихся ранее.

Говорят: для души ей никто не был нужен.
Одиночества поиском опьянена,
И с собою свести не сумела бы дружбы,
И себе не могла оставаться верна.

Татьяна Бонч-Осмоловская

* * *

Вновь¹ в Петропавловске-Камчатском полночь²,
Горит огонь, беснуется Бусирис³,
На юге, знаешь, лебедь красит крылья чёрным,
А на погосте⁴ плачет птица Сирин.
В овраге⁵ расцветает Лорелея⁶,
Горит шиповник⁷, лето кончится весной,
С тех пор⁸, о нимфа⁹, как цвели аллеи¹⁰,
Сто тысяч братьев¹¹ каруселят под луною.
Не выживают у Каллисто¹² птицы,
Один лишь день живут и пропадают¹³,
Оставив грузный том¹⁴, седая жрица¹⁵,
Глядит, как волны под солёным ветром¹⁶ тают,
Спина пряма в броне эндокорсета,
Не обернёшься¹⁷ — и не окаменеешь.
Вернуться всё ж домой перед рассветом¹⁸,
Когда в империи¹⁹ метели и морозы^{20 21},
И даже умерев²², ты не поверишь,
Как хороши, как свежи²³ были розы²⁴.

- (1) См. мнение стойков: «это круговращение и этот распорядок, который никогда не прекращается...»
- (2) См. сигналы точного времени.
- (3) См. Татиан «Против эллинов»: «Зенон утверждает, что после воспламенения те же самые люди возникнут для того же самого, то есть, Анит и Мелет станут обвинять, Бусирис – убивать гостей, а Геракл – вновь совершать подвиги».
- (4) См. И.Мятлев «Розы»:
«...В её очах – веселье, жизни пламень,
Ей счастье долгое сулил, казалось, рок, –
И где ж она?.. В погосте белый камень,
На камне – роз моих завянувший веноч».
- (5) См. Набоков «Расстрел»:
«Россия, звезды, ночь расстрела
и весь в черемухе овраг!»
- (6) См. Мандельштам «Декабрист»: «Россия, Лета, Лорелея!».
- (7) См. Н. Огарёв «Обыкновенная повесть»:
«Кругом шиповник алый цвел,
Стояла тёмных лип аллея...», цит. по: И.Бунин «Тёмные аллеи».

- (8) См. Акико Ёсано: «С тех пор все тянутся передо мною кривые глухие окольные тропы...», цит. по: А. и Б. Стругацкие «За миллиард лет до конца света».
- (9) Офелия.
- (10) См. И.Бунин «Тёмные аллеи».
- (11) См. Офелия
- (12) См. Томас Пинчон «Энтропия».
- (13) См. Н.Гумилёв:
«У меня не живут цветы,
Красотой их на миг я обманут,
Постоят день, другой, и завянут,
У меня не живут цветы.
Да и птицы здесь не живут...»
- (14) См. И.Бродский «Письма римскому другу»: «На рассохшейся скамейке –
Старший Плиний».
- (15) См. И.Бродский «Письма римскому другу»:
«Помнишь, Постум, у наместника сестрица?
Худощавая, но с полными ногами.
Ты с ней спал еще... Недавно стала жрица.
Жрица, Постум, и общается с богами».
- (16) См. А.Ахматова: «От соленых брызг и ветра».
- (17) См. И.Бродский «Письма римскому другу»: «Мы, оборачиваясь, видим
лишь руины».
- (18) См. И.Бунин «Поздний час».
- (19) См. И.Бродский «Письма римскому другу»:
«Если выпало в Империи родиться,
лучше жить в глухой провинции у моря».
- (20) См. А.Пушкин «Евгений Онегин»:
«И вот уже трещат морозы
И серебрятся средь полей...».
- (21) См. И.Мятлев «Розы»:
«Как хороши, как свежи были розы
В моём саду! Как взор прельщали мой!
Как я молил весенние морозы
Не трогать их холодной рукой!»
- (22) См. Г.Иванов «Полутона рябины и малины...»:
«...И лучше умереть, не вспоминая,
Как хороши, как свежи были розы».
- (23) См. И.Северянин «Классические розы»:
«Как хороши, как свежи будут розы,
Моей страной мне брошенные в гроб!»
- (24) См. кого угодно: роза есть роза есть роза есть роза.

Ляля Нисина

Сад наш дивный

Тетке Василине было за девяносто. То есть точно не знал никто, потому что родилась Василина в незапамятные времена, когда рожали под скирдю и никто их, младенцев, не считал. Родилось дитя — ладно, а померло — Б-г дал, Б-г и взял. Так вот помер, не прожив и года, Василинин брат-близнец, а за ним еще восемь что ли, кто теперь скажет, братьев и сестер. Вслед за детьми, получив на мужа похоронку, ушла и Василинина мать. И осталось их от большой семьи Григорьевых сама Василина и крошка Антонина, родившаяся, когда уже с неба падали бомбы, и казалось, весь мир взрывается вокруг затерянной в лесах деревеньки с поэтичным названием Дивный сад.

Деревенька была такой крохотной, что в ней и в самые лихие годы построения коммунизма, не решились создать колхоз. Дивный сад прикрепляли то к одному, то к другому колхозу, наконец, передали большому совхозу, где работал сезонный консервный завод. Сад-то в деревеньке и вправду был дивный, и плоды из сада того отвозили даже в область к столу партийных начальников. Может поэтому, деревеньку не объявили в свое время неперспективной, и Василина прожила свою долгую жизнь в родительском доме. Работала она в саду, трудилась на огороде, с которого и жила, держала коз, каждый год брала на откорм поросенка. Вырастила и выучила малышку Тонечку. Оторвав от себя единственного близкого человека, устроила ее в городе, дав денег на первый взнос в редкие тогда еще кооперативные квартиры. А осознав, что сестренка крепко стоит на ногах, а дело идет не к молодости, Василина, вдруг спохватившись, родила младенчика Васю, ровесника Тонечкиному Мите.

Вася, теперь уже почти лысый и ссутулившийся, тоже прожил всю жизнь в Дивном саду. Здесь женился на соседской Валюшке, и дом построил, и сыновей вырастил. А деревьев множество посадил, — в саду всю жизнь проработал. Он, Вася, и позвонил Мите утром в понедельник.

— Митяй, — сказал он, — тут такое дело...

И закашлялся. А может, слезы к горлу подступили: каким бы взрослым ни был, а мать — это самый родной человек. Всегда так на свете было. И всегда будет.

— Митяй, — повторил Вася сдавленно, — тут такое дело... Мамка ночью померла. Валюшка утром молока ей понесла, а она, ну, мать, уже холодная. Она молоко по утрам...

Вася вздохнул, как всхлипнул. Говорить ему было тяжело, и он с усилием выталкивал из себя слова.

— Приезжайте хоронить мамку. Я к батюшке сейчас поеду, узнаю, когда... Завтра, в общем.

Вася помолчал.

— Ты тете Тоне аккуратно как-нибудь скажи, ага. Я на вокзале встречу как всегда, не волнуйтесь. Ну, давай, Митяй, — Вася опять вздохнул, — в шесть на вокзале. Так вот...

Вагонные колеса глухо стучали по рельсам, в стакане подрагивала, брэнчала, забытая чайная ложка. Митина мама беспрерывно вздыхала, иногда срываясь на всхлип, и начинала плакать и перебирать вслух все, что сделала для нее «дорогая Васечка».

— Говорила она мне «Тонечка, деточка моя!», сестричка родненькая, -всхлипывала она. — И учиться заставила, и денег давала, хоть сколько, а давала. Однажды, помню, вишни не уродили, так она все с огорода продала, а мне десяточку дала. И все с лаской, все весело! А тебя, сыночка, так любила, так любила! И Людочку твою с детками каждый год к себе на все лето в Сад забирала... — И снова рыдала, и худенькие плечи вздрагивали, а волосы, всегда так тщательно причесанные разошлись неровным пробором, и стало видно, что их уже пора подкрасить.

Вася встречал их на вокзале, помог стащить с подножки вагона неподъемные сумки с бутылками.

— Сладенького привез, не забыл? — спросил он у Мити. — Мамкиным подружкам, им красненького надо!

— В черной сумке красненькое, — ответил Митя, радуясь, что мать отвлеклась, и причитая «Осторожно, мальчики!», семенит рядом и следит, чтобы они не разбили выпивку.

— И красненькой и беленькой — не волнуйся! — Люда поддерживала свекровь под локоть. — Дети, Витька с Леной, утром машиной приедут, у них в багажнике еще целый ящик и сумка полная.

— На рассвете выедут — без пробок доберутся, к десяти здесь будут, а то и раньше, — успокоил Митя, заталкивая сумку в багажник Васиной «Нивы».

Дом тетки Василины стоял на краю деревни у самого сада. Калитка была открыта, дверь нараспашку, а занавески, наоборот, задернуты. Тетка Василина лежала на столе в белой вышитой рубашке, лоб прикрыт лентой, руки сложены на груди, лицо строгое, отчужденное, словно говорило: «Все, ребятки, дальше сами, без меня!»

Васина жена, Валюшка, и еще две старушки сидели у гроба. Одна из них женщин поднялась, освобождая место.

— Вот, посмотри, Васечка, Тонечка, сестричка твоя приехала! — сказала она.

Валюшка вскочила, стала обнимать Митю, потом Люду, присела возле тети Тони, обняла ее за плечи, обе они заплакали. Старушки плакали вместе с ними, и сторбленные их плечи вздрагивали под черными платками.

Попозже Валюшка собрала на стол и кормила их. На улице уже стемнело, когда подъехал Володя, старший сын Васи и Валюшки. Младший их, Федор, служил во флоте и сейчас, по расчетам Васи, плавал где-то возле Африки.

Володя привез мясо, и женщины долго возились, разделявая его к завтрашним поминкам. Утром должны были прийти женщины готовить. Валюшка послала Митю с Васей к соседям за большими кастрюлями и за посудой, а Володю к своей сестре за скамейками. Скамейки привезли, и Митя с Васей помогли их разгрузить. Володя, поев, сразу ушел спать, за ним Валюшка ушла спать и Васю.

Около полуночи Митя уговорил смертельно уставшую мать, подремать и уложил ее на диванчике в теткиной комнате. Валюшка пошептала с Людой и, постелив им с Митей, тоже ушла в спальню.

Возле Василины все сидела старушка в черной косынке и в темном платье в мелкую белую точку, и, смешно шевеля губами, шепотом читала из толстой книги.

— У тетки тоже такое же платье было, — вспомнил Митя, — «в крапушку» называлось!

Вскоре пришел молодой парень в темной рубаше, поговорил шепотом со старушкой, и стал сам читать над Василиной. Старушка поднялась, распрямляя занемевшую спину, и Митя узнал бабу Наташу, давнюю теткин подругу. Люда заварила свежего чая, разлила по чашкам.

— Ушла тетя Василина, — вздохнула Люда, садясь за стол. — Мне она как бабушка была. У меня родных только отец с матерью, детдомовцы оба. Праздник придет — за столом все те же — мама-папа да я. А у тети я сразу семью почувствовала.

— Хорошая была Василина, — подтвердила баба Наташа. — Потому и ушла так легко. Тело уснуло, а душа на небеса вознеслась. Уж я-то Василину как никто знаю: мы с ней росли вместе, вместе и старились. Василина мамку вашу, Тонечку, как свое дитя любила. Сестренка все для нее была — и муж, и дети, и семья.

— Баба Галя, мамка ихняя, вы знаете, померла в конце войны, — рассказывала баба Наташа, прихлебывая крепкозаваренный чай. — Сейчас бы сказали, что рак у ней. А тогда говорили, что от тоски душевной тело еду принимать перестало. Нас, девок, после войны в Саду восемнадцать было. Победу встретили, бражки хлебнули и плакали. Уж так плакали — не рассказать! Парней наших война забрала, отцов тоже, — мужиков не осталось. — одни бабы да детишки в Саду. Не за кого нам замуж идти было. Кому двадцать годков стукнуло — вековухей считали, но мы с Василиной чуда ждали. Потом чудо случилось, посватали меня за лесника. Он, Степан мой, без руки с войны пришел, вот помощницу искал. Хорошим оказался, душевным, мы с ним сорок шесть лет прожили, и ни разу не пожалела я, что пошла за него. Подружки наши, Катя с Ньюрой, в город подались, в доработницы. Тоже натерпелись! А у Василины до войны жених был, да сгинул, она знала, как хорошо с любимым, вот и говорила, что лучше одна проживет, чем с чужим-то, да без любви.

Заскрипели ступеньки, кто-то поднимался на веранду, и Люда вышла навстречу. Пришли еще две женщины, сели возле Василины.

— Вы, деточки, идите, ложитесь, — предложила баба Наташа. — Мы Василину одну не оставим. Вам еще завтра хлопотать, Валюшке помочь, Васю поддерживать, вам силы нужны. Я тут сама похозяйничаю.

...Вася разбудил Митю на рассвете. Потряс за плечо, как в детстве, когда они самовольно убежали с дедом Степаном на весь день в лес или на рыбалку. Митя тихонько, чтобы не разбудить Люду, выскользнул из-под одеяла и вышел за Васей на веранду. Над садом висел туман. Вишни были в полном цвету и выделялись белыми шапками деревьев на сероватом фоне тумана. Братья молча глядели с высокой веранды в сад.

— Ушла мама, — вздохнул Вася. — Страшно мне, Митяй! Как-то так думалось, что мамка между мной и смертью стоит, понимаешь, А теперь никого старше меня нету, мой черед, значит, ну, в смысле, я следующий буду в домовине лежать. Вчера Валюшке сказал, а она накричала на меня, расплакалась, ну, баба, понятно. Ты-то меня понимаешь?

— Понимаю, — вздохнул Митя, — мне тоже страшно. И ведь Людке не скажешь про такое, она думает, что я — герой.

— Герой, голова с дырой! — улыбнулся Вася. — Помнишь, дед Степан нас так хвалил?

— Помню, конечно, — улыбнулся Митя, глядя в туман. — Как быстро все прошло, и детство, и жизнь вся. Мы уже с тобой, Васька, старые, лысые и седые. Что дальше-то будет...

— Внуки будут! — сообщил Вася, тоже не отрывая глаз от тумана над садом. — Володькина Надька беременная, позавчера призналась. Мамка еще успела порадоваться... — Вася всхлипнул. — Тяжко, Митяй!

Митя обнял Васю за плечи, и они долго стояли, глядя на сад. Взошло солнце, туман стал таять, и умытые вишни заблестели белыми цветочными гроздьями, а яблони ярко-зелеными молодыми листьями. Над деревьями деловито засновали пчелы.

Приехали Витя с Леной, Митины дети. Витя с Володей вытащили из багажника сумки с едой, занесли на кухню, потом пристроили в холодильнике выпивку. Люда позвала их завтракать. Попозже пришли женщины готовить еду для поминок, и Валюшка с Людой ушли с ними в летнюю кухню. Митина мама туго, по-деревенски, повязанная черной косынкой, сидела у гроба рядом с бабой Наташей.

Лена убрала со стола и тоже села возле бабушки. Привезли из района, заказанные вчера венки с черными лентами. Митя с Васей, открыв обе половинки двери, занесли венки в дом, расставили, прислонив к стене. Лена расправляла ленты: «Дорогой мамочке», «Любимой бабушке», от сестры, от подруг, от племянников, и, неожиданно «Незабвенной Василине от Дивного Сада».

— Да, — сказал Вася, поймав Митин удивленный взгляд, — хотел написать от жителей Дивного Сада, но у них не вместились, больно длинно, сказали. Все поймут, не сомневайся!

— Поймут, дядя Вася, — обняла его Лена. — Все понятно, и венки такие красивые, бабушке бы понравилось.

А в дом заходили все новые и новые люди: соседка, тетя Маня Горшина, с букетом ландышей, почтальонша Раиса в форменном пиджаке и черной «газовой» косынке, соседи «с задов» Замятины, какие-то девочки, в темных платках поверх ситцевых сарафанов и с белыми нарциссами в руках. Пришел новый директор «фруктзавода», при котором Василина уже, вроде, и не работала, в костюме и с черным галстуком. Он поздоровался за руку с Васей и Митей, остальным кивнул. Жена директора в дорогом кружевном костюме, наверное, специально купленном для таких печальных случаев, и в шелковом черном шарфе, накинутом на аккуратно уложенную прическу, села на веранде.

Лена ушла в спальню переодеться, сняла джинсы и надела черную юбку и черную блузку в горошек. Платок она пока набросила на плечи. Витя с Володей, оба в черных майках, вытаскивали из-под навеса скамейки, расставляли столы.

Пришел пастух дед Матвей с сыновьями и внуками. Оба сына его дружили с Митей и Васей, а внуки озоровали с Витей, Володей и Федором. Пришла фельдшерица из амбулатории в белой косынке, которую она, уже зайдя во двор, сменила на черную, добытую из медицинского чемоданчика. Прибежала, запыхавшись, продавщица Галина в ярком цветастом платье и с черным платком на плечах. За ней, с букетом красных и желтых тюльпанов, во двор вошла старенькая учительница. Школу здесь уже лет десять как закрыли, и детей теперь возили на автобусе в район, а учительница, вспомнил Митя Валюшкин рассказ, переезжать в район не захотела и осталась доживать в Саду. Подъехал на запыленном сельскими дорогами «газике», старенький батюшка. Он поставил машину со стороны сада, помог слезть с высокой подножки такой же как он старенькой матушке в темном платье и в шали с бахромой, и они, поддерживая друг друга, пошли к дому.

— Отец Михаил уже не служит, пять лет как на пенсии, — пояснила Митебаба Наташа, стоявшая рядом с ним на веранде. — Служить придется новый батюшка, а они Василину проводить пришли.

Машина нового батюшки, поблескивая затененными стеклами, уже подъезжала к дому, и Митя позвал Люду с Валюшкой в комнату. Они, Василинина семья, сели по обеим сторонам гроба. Мама и Валюшка плакали в голос, всхлипывали Лена с Людой, Витя и Володя, одинаково опустив голову и сложив руки между колен, горбились на стульях. Митя с Васей маялись, обнимая маму и Валюшку.

Кладбище было за садом.

Впереди процессии мальчик, внук соседей Замятиных, нес портрет Василины. Василина на портрете была молодая, лет сорока, русокосяя и белозубая, в нарядном платке с красными розами, и в вышитой рубашке. Гроб до самого кладбища несли на руках Витя с Володей и внуки деда Матвея. За ними Вася с Валюшкой вели под руки плачущую тетю Тоню, с ними Митя с Леной. Чуть позади родных шли, провожая Василину в последний путь, все жители Дивного Сада и еще столько же незнакомых Мите, но, по всему видно, хорошо знавших тетку людей. До кладбища шли медленно и в полном молчании. Слышны были только плач Валюшки и Антонины, да редкие всхлипывания остальных, и еще жужжали пчелы да перекликались птицы.

... От кладбищенских ворот, если пройти налево до самой ограды, Митя помнил, целый участок занимали Григорьевы. Здесь лежали Василинины бабки и дед, ее маленькие братья и сестры, тетка и мать. Один дед, со слов Василины, был убит случайной пулей «в двадцатом годе», второй дед стигнул на «германской войне, потому могилы ему не было». Отец Василины погиб на фронте в сорок втором, тоже неизвестно где успокоился.

— Бабы, осиротевшие, безмужние, несчастные, тащили на себе и дом, и семью, и весь Дивный Сад, вытягивая из бед, революций, бесконечных войн! — думал Митя, помогая опустить гроб рядом с могилой. — У тетки Василины хоть семья была, было кого любить, для кого стараться...

Он смотрел на толпу людей у могилы: большинство — бабы — старые, молодые ли, все в темных платках и с одинаково печальными лицами. Даже его Люда, да что жена, его дочка, которой и двадцати еще не исполнилось, была частью этой печали!

— Сестричка моя ты, родненькая, — запричитала мать, когда застучали молотками по крышке, — Васечка, любимая, мамонька моя, зачем ты ушла, на кого меня оставила!!

Антонину подхватила баба Наташа и еще какая-то женщина, что-то на ухо ей зашептали. Митя взял мать под руку, она заплакала, утирая глаза платком. Уголок платочка белел на черной блузке, стрелкой указывая на сердце. Люда достала из кармана платья трубочку с валидолом, протянула свекрови таблетку.

Василину опустили в яму, глухо застучала по гробу земля.

Когда холмик утрамбовали лопатами и воткнули вокруг него венки, соседи и знакомые потянулись по тропинке с кладбища. У могилы остались только родные и баба Наташа.

— Прости, Тонечка, что здесь говорю такое, — баба Наташа взяла Митину мать за руку, повернула к себе и прижала ее заплаканное лицо к своей груди, — но Василина просила сразу же у могилы рассказать, чтобы и она слышала. Слышишь, Васечка, — баба Наташа кивнула свежей могиле, — я все говорю, как ты наказала. Вот, значит, когда Тонечка Митей забеременела, пришла Василина к

нам со Степаном просить помощи. Не встретился ей человек хороший, не получилось ни замуж выйти, ни дитя родить. По любви родить дитя не получилось, сказала, рожу по уважению. И просила Степана моего стать отцом ее ребеночку. Наши со Степаном дети к тому времени уже выросли, в город учиться уехали. Мы с Васечкой уговорились никогда об том не вспоминать, будто и не было такого случая. Родила Василина своего Васю, радовались мы вместе с ней! Степан вас с Митей обоих любил, да и я вам всегда рада была. Теперь уже и Степана нету, и Васечка вот ушла от нас. Пусть земля им будет пухом! А Степан после того в город ездил, в собор ходил и просил, чтобы грех им с Василиной простили.

Баба Наташа всхлипнула, вытерла глаза уголком косынки.

Все молчали и на Васю глядели. Валюшка его обняла, тетка с другой стороны прислонилась. Так, молча, и ушли с погоста.

... Столы стояли во дворе.

Василинины подружки сели вместе, Валюшка принесла к ним на стол сладкого кагора. Разлили по стаканам, директор завода очень красиво сказал о Василине, все выпили. Жена директора вглядывалась в лица, правильно ли сказано, понравилась ли начальственная речь. И еще пили, и говорили о Василине много и очень хорошо, хвалили Антонину и Васю, добрым словом вспоминали Митино отца. Потом важные гости разъехались, остались только свои из Дивного Сада. Валюшка стала разливать чай. Бабушки, Василинины подружки, напились чаю и завели песни.

— На позиции девушка провожала бойца, — выводила молодым еще голосом баба Наташа, — темной ночью простилася на ступеньках крыльца...

Митя устало присел на скрипучих ступеньках веранды и закрыл глаза. Вот здесь простилася тетка Василина со своим женихом, на этих самых ступенях и закончилось ее счастье.

Вася, кряхтя, опустился рядом с Митей.

— Я, кажется, спину сорвал, болит, зараза. Завтра, если не пройдет, к тете Мане зайду, она выправит. Эх, мамка-то как внезапно ушла, мне все мнится, что она сейчас из кухни выйдет, либо с улицы зайдет.

— ...что любовь ее девичья никогда не умрет... — тянули бабы

— И в голову никогда не приходило, что дед Степан... — тихонько вздохнул Вася, — хотя я в метрике Степановичем-то и записан. Он нас привечал, помнишь, на охоту брал, на рыбалку, грибные места в лесу показывал. И баба Наташа всегда меня любила. Да, показала мне жизнь любовный сериал местного разлива!

Женщины хлопотали во дворе, собирая посуду, а бабушки все пели.

— За любимую родину, за родной огонек!

— А все-таки хорошо, Митяй, что есть у нас с тобой Дивный Сад! — вдруг сказал Вася. — Ты, вот, пенсию оформишь, и переезжайте с Людкой к нам жить.

Утром выйдешь в сад — покой, красота, воздух духмяный. Люблю я наш сад, и мамка сад любила. Вот лес, охота, — это у меня, я теперь понял, от деда Степана.

— И я наш сад люблю, — отозвался Митя. — Смелой женщиной была тетка Василина. И друзьями хорошими ее жизнь наградила. Вот у Людки подружка есть, Галка, безмужняя, бездетная, и со школы еще с ней дружит. Но чтоб такое попросить... Да... Светлым человеком была тетка!

— Светлым, — эхом повторил Вася. — Она мне когда-то говорила, что сад наш на светлых людях держится, иначе деревья не плодят. Б-г даст, без мамки наш сад стоять будет, и после нас цвести останется.

Конец завода

часть 1

иду домой, иду с завода
иду с завода, иду домой
иду домой, иду за водкой
иду с завода, иду домой
иду за водкой, иду с завода
и тут за водкой идут со мной
идут с завода, идут за водкой
иду с завода, иду домой
конец завода, иду с завода
иду с завода, иду за водкой
иду домой

часть 2

конец завода, устал зараза
иду зараза, иду домой
устал за раз я, конец завода
иду за водкой, потом домой
иду с завода, а тут за водкой
и я за водкой, потом домой
иду за водкой, иду с завода
иду с завода, иду с завода
иду домой иль иду за водкой
иду за водкой, и тут домой

часть 3

настало лето, второе лето
иду с завода, иду домой
иду за водкой, опять за водкой
иду с завода иду домой
настало лето конец завода
иду за водкой
потом домой

часть 4

был завод
был завод
вставал в шесть пятьдесят
лето лето теперь
встаю в десять или в девять
иль в двенадцать
иль в тринадцать
иль в одиннадцать
или в десять сорок пять
или в девять двадцать две
иль в двенадцать тридцать семь
иль в тринадцать сорок шесть
иль в одиннадцать семнадцать
или вовсе ночь не сплю

должно быть написано 1 июля 2010

Средства защиты

Защитные каски.
Защитные каски.
Защитные каски.
Защитные каски.
Егор Андреевич.** Егор Андреевич. Егор Андреевич.
Электроизолирующие перчатки.
Егор Андреевич.
ПИН. ПИН. ПИН.
Юреть*. Юреть. Юреть.
Пассатижи. Пассатижи.
Пассатижи.
Пассатижи.
Егор Андреевич. Егор Андреевич.
Юреть. Юреть. Юреть.
Переносные заземления.
Электроизолирующие ковры.
Электроизолирующие галоши.
Защитные очки.
Очки. Очки. Очки.
Юреть. Юреть. Юреть.
Электроизолирующие клещи.
Электроизмерительные клещи.
Егор Андреевич.
Егор Андреевич.
Егор Андреевич.
Юреть.

15 дек., 09 г.

** — *Кадочников Е.А. — начальник отдела по ОТ и ПБ*

* — *Юреть О.А. — инженер отдела по ОТ и ПБ*

Цикл БЕЛАРУСЬ

ветер ворвался в дом дом дом в щели проник
глазами-льдом мальчик стеклу синий обвал приник
гнутся хлеба ба ба бабы в полях втянув животы поют
в этих краях перелётные птицы гнёзда не вьют

скошены травы, промёрзла в мясо нога журавля
и журавля тонкошей истоме в воде гнить
в стоптанной обуви грязью и слякотью через поля
к дому бежать но чистой воды не испить

комьями снег, травами сон, пустотами — высь
где-то мой дом, где-то мой сын, только не здесь
здесь только стынь, здесь только стон сон дым
комьями снег, кольями дом, травами сын

снится в снегах в сырости стен окон окно
бабой в полях, весей, пургой замечено
травы сон, сугробами сын в слякоть и грязь
в стоптанной обуви через поля к шее припасть
журавля

сколько воды пролилось сколько прививок привито
прививки привитые немного повыше локтя
нас всех объединяют, как позже — могильные плиты
и пихты над кладбищем всех объединят

объединят объедИнят объедут объедками
корнями деревьев выпотрошат кишкИ
так хочется братьями быть — быть птицами нынче редкими
и смотрю повыше локтя на метку руки

но баба в салоне орёт толстой кондукторше:
да вы кОрмитесь нашим хлебом, иначе сдохли бы с голоду!
а сама с завода, где утро встречает рупором,
как и все — скинув робы в утробе города

а потом под вечер всё небо сизое-сизое»
голубиным клещом небо над головою

и мужики как собаки под обвисающими карнизами
после работы встречают голодным воем
и сыновья дома с натруженным торсом
или брюхом разбухшим от салаки и пива
которое лифт с трудом поднимает протёртым тросом
и на восьмом этаже выходишь — а закат за окном такой
красивый-красивый...

в комнатах сыро и холодно, в кухне жарко
вечерний город небом над ним изуродован
как жернова друг о друга трутся серые шапки
шапки трутся, но не сокасаются головы

провалы в памяти как рта провалившийся колокол
как до грудины в землю закопанный труп
как рыба молОка, как на пределе голода
от тела оторванный и с жадностью сожранный струп

провалы в памяти кто мы в полях заснеженных»
куда ведут следы по дороге назад
чугунным идолам бабоньки жёны нежные
бросают в нутро окровавленный сервелат
чтобы вернулись домой... — да кто, не помнится
тАк просто, смутный образ, глаз синева
летом — малина вереск белые колокольца
зимой — снег, забившийся в рукава

провалы в памяти; слюна с подбородка спящего
стекает на пыльный пол техэтажа
любой за стеной, за пределами тесного ящика —
если не враг, то, по крайней мере, чужак

а как плясали в полях и плелись утробами
как кулаки сплетали в дремучий жгут —
провалилось в памяти и замело сугробами:
глубокие реки в нас неслышно текут

не слышно не видно кто-то бредёт аукает
главное дверь запереть на тяжёлый замок
не слышно не видно только зима баюкает
того кто нЕдобродИл недозвал промок

не пришёл смотреть стирать покрасневшие простыни
в комнатах сыро а в кухне жарко-темно
пусто в полях но все набенились вдосталь
пусто в полях но собирается гной
в дёснах
всЕ мы — как корабельные сосны
как пихты и ясени
все постепенно степенно становимся дерева
чтобы гореть горячо, под коростой соки пряча.
Все дерева. Все дрова, все дрова, дрова.

шум и гул метели; метёт, метёт... вой поездов ночью —
как воды ржавь как вмёрзшие в лёд и не проросшие древесные
почки
в моих же почках — вода, вода, всё течёт и течёт трясиной,
и под вой поездов в полустанки и города в пляске витта святого
трясусь на ветру осиной
рыси, волки в моих дремучих лесах, в моих волосах спутанных, в
снах тревожных;
как песенка сына мясо солдата в промёрзших часах, в глухой тем-
ноте таёжной.
в преддверии мрака двери — скользость и слизь: не закрываются,
только танцуют в петлях;
все дорожки петельки петли все разошлись в вечерний сумрак
рысий снегов иелей,
в канавы в ржавые ванны в стоячий мрак городов; затопило, нечем
дышать в нечистой постели...
рот заштопан берёзкой, выдут ветрами рот; как осина, как мясо
солдата кружусь в метели.
лохмотьями кожа, нищее платье моё, пляшет в снегу, от тела пля-
шет отдельно.
танцует смешно и весело; в хлебнувшие ржавой воды оконные
щели суют елдаки деревья,
в грязные рты, заполненные едой, прорастает сосок матери, хохо-
чущей, древней
и под гулом метели деревни слюнявой губой сладко рыгают в
другие слепые деревни.
мясо солдата в часах разлетается в клочья, растёт, проникает в
ночь, как любовник в спящее лоно;

прибывает вода, бубоном вздувается лёд под мышками города;
дети лепечут сонно;
пляшет солдат на часах, саблей браво вскрывает живот, и летят во
все стороны струпы гноящейся плоти;
и в снегах и метелях город плывёт и плывёт, и солдат продолжают
рубить, и колоть, и колоть, и...

качается крюк мясной: тик-так
красной заре чумной
не разо-драть мрак
стук башмаков в лёд в грязь вмерз
листьев шматами гной
на трупах берёз
на струпах перил отпечатки ребячьих лап
потёки чернил на тротуарной слизи
льдыстыми комьями зимними склоп-хлаб
по стёклам скользит
сквозит
в дверь
ветер
и дождик с небес моросит.
как бес голосит
баба за хлипкой стеной
в изморози
обветренных губ рождается вой
и затихает под крепким хмельным кулаком...
как хорошо по тёплой земле ходить босиком.

там, в тишине за городом, спят леса,
голосами гулками песню сквозь сон поют;
ветер в вершинах звёздные небеса;
под снегами соснами вязкие соки текут,
чтобы в мае проснуться смолой в изгибах коры
а потом пожары лесные, МАЗы и топоры.
а потом заборные песни топот сапог
в висок
самогон за шиворот рот наискосок

в солнцетени месиве маслом машинным взгляд
одуревших глаз;
задорно и весело исполняет отряд
приказ

и так каждое лето: уезжает в МАЗах братва
деревянных идолов заживо корчевать
чугунными лбами в пустые ворота бить

а нужно других корчевать других под корень рубить

каждое утро из дому выходя...
каждый вечер возвращаясь домой...
каждое утро из дому выходя...
каждый вечер возвращаясь домой...
так и живут на теченье лет не глядя
с постепенно седеющей головой
каждый вечер возвращаясь домой
каждое утро из дому выходя
и старость холодной лавкой в гулком дворе
и клёны сыплют листвой каждый год в октябре
и дачная тишина и над гранитом бревенчатый стол
каждое утро из дому выходя
думал ли ты куда шёл

4 декабря 2012 — 6 февраля 2013 года

И вас также!

Моя тётя, Вера Николаевна, очень воспитанный человек. В старину про таких говорили «благовоспитанный». Я — не благовоспитанный. Так говорит моя жена. В наши дни быть воспитанным — намного легче, чем раньше. Способствует этому компьютер. Сейчас многие люди, поздравляя друг друга с праздниками и юбилеями, уже не посылают открытки или письма. Они пользуются электронной почтой. Они очень стараются не ошибиться адресом.

В первый день Нового Года Вера Николаевна рассылала поздравления родственникам и знакомым в России. Дочь, живущая с мужем в Санкт-Петербурге, находилась в отъезде, поэтому Вера Николаевна в этот раз решила отдельно поздравить зятя, Мишу Ковалёва.

«Здравствуйте, Михаил! Поздравляем Вас с Новым Годом! Наилучших Вам пожеланий из солнечной Австралии! У нас лето в разгаре, небо голубое, солнце жаркое, а по ночам — изумительные фейерверки! Надеемся, что и в вашем Питере не очень хмуро. Большой привет от всех наших, будьте здоровы!»

Ответ от зятя пришёл на следующий день.

«Спасибо за поздравление», — писал он. «Вам можно позавидовать. А у нас в Твери — чудная природа! Минус 30 и снег. Зима! И тоже солнце и голубое небо! С наступающим Вас Рождеством! Михаил Ковалёв.»

Прочитав ответ, Вера Николаевна отодвинулась и посмотрела на компьютер как бы сверху. Потом медленно и внимательно прочитала ещё раз. Что-то пробормотала под нос, поправила очки, подумала и застучала по клавиатуре.

«Добрый день, Михаил! Отдохнули немного? Или это командировка? Мороз приличный!

Да, мы иногда скучаем по русской зиме. А кто же за вашей кошкой смотрел? Вам всего доброго!»

Второй ответ пришёл ещё быстрее первого.

«Уважаемая Вера Николаевна! Командировкой я бы это не назвал, ведь мы живём здесь уже 42 года. Будем считать это отдыхом. Кот большого ухода не требует — было бы мясо. Большой привет тёзке в Питере! Ваш, Михаил Ковалёв.»

Я бы тоже хотел быть воспитанным, как мои родственники. Тогда я бы тоже получал много поздравлений. Компьютер легко позволяет это делать. Компьютер — очень умная машина.